

Введенский А. И. О трудах преосвященного Иустина [Полянского], епископа Рязанского и Зарайского. [Рец. на: Сочинения. Т. 1–10. М., 1895] // Богословский вестник 1896. Т. 2. № 6. С. 472–486 (2-я пагин.).

О трудах преосвященнаго Іустина, епископа Рязанскаго и Зарайскаго.

Сочиненія, тт. I—X. Москва, 1895.

Литературно-богословская дѣятельность преосвященнаго Іустина обращаетъ на себя вниманіе какъ по своему объему, такъ и по характеру. Въ первомъ отношеніи преосвященный авторъ является предъ нами писателемъ весьма обильнымъ, труженикомъ неутомимымъ: онъ издалъ уже десять томовъ своихъ сочиненій, которые въ совокупности образуютъ около 4,500 стр. и, повидимому, десятымъ томомъ собраніе его сочиненій еще не закончено. Что касается характера трудовъ преосв. Іустина, то онъ избралъ для себя весьма благодарную задачу служить, такъ сказать, посредникомъ между богословами спеціалистами и обществомъ. Недавно рецензентъ „Русскаго Обозрѣнія“, говоря о его трудахъ, замѣтилъ, что они напоминаютъ собою отчасти труды преосвященнаго Теофана-затворника. По нашему мнѣнію, это сближеніе правильно. Умъ, изсушенный абстрактными понятіями современной науки и постоянно развлекаемый калейдоскогомъ измельчавшей современной „беллетристики“, дѣйствительно отдыхаетъ и освѣжается на „лугу духовныхъ писаній“, подобныхъ трудамъ названныхъ іерарховъ.

По предмету и содержанію, сочиненія преосв. Іустина весьма разнообразны; но ихъ можно раздѣлить на три большихъ группы, — сочиненія содержанія: 1) *догматическаго*, 2) *историко-патристическаго* и 3) *нравоучительнаго*. Мы охарактеризуемъ здѣсь кратко каждую изъ этихъ трехъ группъ въ отдѣльности.

I.

Сочиненія, тт. III—VIII.

Въ нашей догматической литературѣ ясно опредѣлились два главныхъ направленія, изъ которыхъ одно выражено „Православно-догматическимъ Богословіемъ“ покойнаго митрополита Макарія, а другое — „Опытомъ Православнаго Догматическаго Богословія“ нынѣ здравствующаго, мастигаго ректора Кіевской духовной академіи, епископа Сильвестра. Это, такъ сказать, два крайнихъ полюса нашей православно-догматической науки, которые относятся между собою, какъ формула и духъ. Тогда какъ митр. Макарій ставитъ себѣ задачею главнымъ образомъ показать, *какъ* Церковь вѣровала и вѣруетъ, учила и учитъ; преосвящ. Сильвестръ старается уяснить, *почему* именно Церковь учила и учитъ такъ, а не иначе. Вслѣдствіе этого, тогда какъ первый догматистъ направляетъ свои заботы къ тому, чтобы экзегетическимъ и историко-патристическимъ путемъ утвердить *формулу* содержаемаго Церковію вѣроученія; послѣдній старается ввести читателя *въ духъ разумнiя* внутренняго существа откровенной и хранимой Церковію истины, уяснить ее и представить вмѣстѣ съ ея научнымъ оправданіемъ ¹⁾.

Таковы два крайнихъ типа нашей догматической науки. Между ними можно поставить двухъ авторовъ-догматистовъ съ направлениемъ, выраженнымъ, правда, не столько рѣзко, однако всеже достаточно опредѣленно, чтобы мы имѣли основаніе приблизить одного къ митр. Макарію, а другаго — къ преосв. Сильвестру. Мы разумѣемъ преосвященныхъ Филарета Черниговскаго и Іустина Рязанскаго. О сближеніи перваго съ митр. Макаріемъ едвали можетъ быть споръ: достаточно бѣлаго просмотра обѣихъ догматикъ, чтобы убѣдиться въ сходствѣ пріемовъ у обѣихъ догматистовъ. Оставляя, поэтому, этотъ вопросъ въ сторонѣ, обратимся къ нашему автору.

¹⁾ См. подробнѣе характеристику системъ преосвященныхъ Макарія и Сильвестра въ нашей статьѣ: „Сравнительная оцѣнка догматическихъ системъ преосв. Макарія и архимандрита (нынѣ епископа) Сильвестра“ (*Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія*, 1886, Февраль, Мартъ, Апрель).

Когда преосвящ. Іустинъ составлялъ свое „Православно-Христіанское Вѣроученіе“, преосвящ. Сильвестръ только еще начиналъ печатаніе своей обширной догматической системы (тогда появились еще только два тома). Уже по одному этому нельзя говорить о зависимости труда перваго отъ послѣдняго и, дѣйствительно, мы не видимъ никакихъ признаковъ такой зависимости. И тѣмъ не менѣе оба догматиста, руководясь вѣрнымъ пониманіемъ запросовъ времени, проходятъ въ своихъ трудахъ сходнымъ путемъ. Въ ихъ направленіи и пріемахъ сказалась реакція противъ утомительной рубрицистики и сухости предшествовавшихъ догматическихъ системъ и -- обусловленное ею стремленіе сообщить изложенію догматовъ возможно жизненный характеръ, приблизить ихъ насколько возможно къ пониманію, сдѣлать доступными вмѣстѣ и уму и сердцу. Это свойство Догматики преосв. Іустина, сверхъ того, отчасти опредѣлялось и спеціальнымъ назначеніемъ труда — служить пособіемъ при усвоеніи науки воспитанниками семинарій: „преподавая Догматику, — пишетъ авторъ въ предисловіи къ первому изданію, — я имѣлъ обыкновеніе, какъ можно *проще* и полнѣе“ излагать предметъ. Просматривая „Вѣроученіе“ преосв. Іустина, мы дѣйствительно повсюду замѣчаемъ это стремленіе приближать догматическія истины къ нашему разумѣнію, каковое стремленіе естественно проявляется съ болѣею силою въ вопросахъ труднѣйшихъ, каковы, напр., вопросы о троичности, о воплощеніи и пр. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Выясняя отношеніе догмата о св. Троицѣ къ разуму, авторъ между прочимъ говоритъ: „Догматъ о троичности Божіей правильно понимаемый, при всей своей нестижимости, не вноситъ, по крайней мѣрѣ никакого противорѣчія въ идею нашего разума о Богѣ, а напротивъ, съ другой стороны, — восполняетъ ея ограниченность и преобразуетъ ее изъ отвлеченнаго понятія въ живое представленіе и чувство... Идея о единомъ Богѣ скоро исчерпывается, при опредѣленіи свойствъ Божіихъ: изъ нея не могутъ быть выводимы нравственныя свойства Бога, относящіяся къ внутренней сокровенной жизни Божіей. Ученіе же о св. Троицѣ восполняетъ такой важный недостатокъ, указывая намъ въ отношеніяхъ божественныхъ. Іицъ между собою всю полноту Божественной и внутрен-

ней жизни вседозвольнаго Бога“ и т. д. (стр. 125 — 6, т. IV). Постановка труднаго вопроса, какъ видимъ, отчетливая и вразумительная. Въ догматѣ о воплощеніи, кромѣ подобнаго-же указанія на отсутствіе противорѣчія между имъ и „началами и законами нашего разума“, преосв. авторъ весьма краснорѣчиво и энергично говоритъ о соотвѣтствіи этого догмата требованіямъ нашего сердца, съ его таинственнымъ неумолкающимъ желаніемъ спасенія: „и по обѣтованіямъ неба и по смыслу желаній земли, Спаситель долженъ быть Богочеловѣкомъ“ и т. д. (см. т. III, стр. 300 и сл.; ср. т. V, стр. 212 сл.). Вообще, стремленіе къ возможно понятному и жизненному изложенію догматовъ составляетъ весьма привлекательную черту „Вѣроученія“ преосв. Іустина.

Отмѣчая это свойство догматики преосв. Іустина, мы очевидно рассматриваемъ ее, какъ принято говорить, *ad hominem*. Но, по нашему мнѣнію, оцѣнка православныхъ догматическихъ системъ съ этой точки зрѣнія не только вообще умѣстна и законна, но едвали даже не имѣетъ правъ на *предпочтительное* вниманіе критики. Вѣдь извѣстно, что по самому существу дѣла и по самой постановкѣ задачи, различія между православными догматистами могутъ касаться лишь формы, а не существа, — не то что, на примѣръ, у догматистовъ протестантскихъ. На труды этихъ послѣднихъ кладетъ свой опредѣленный и рѣзкій отпечатокъ ихъ общая философская точка зрѣнія: между протестантскими богословами есть догматисты гегельянцы (Пфледереръ), неокантіанцы (Ричль, Липсіусъ) и т. д. У православныхъ же догматистовъ эти различія могутъ проявляться лишь въ весьма ограниченномъ объемѣ и, поэтому, вся разница между православными догматиками сводится, въ концѣ концовъ, къ тому, что однѣ системы обширнѣе, другія — уже; въ однѣхъ больше цитатъ и самая цитация строже, въ другихъ меньше; въ однѣхъ больше отводится мѣста сображеніямъ разума, въ другихъ меньше; въ однѣхъ преобладаетъ теоретическое направленіе, въ другихъ практическое и т. д. При такихъ условіяхъ, оцѣнка православной догматической системы *ad hominem*, очевидно, имѣетъ далеко не маловажное значеніе. Важно выяснить, восполняетъ ли новая система *въ этомъ отношеніи* какую-либо односторонность прежнихъ, или

нѣтъ. Къ разъясненію именно этой-то стороны дѣла относительно „Вѣроученія“ преосв. Іустина и направлялись наши предыдущія соображенія. Изъ нихъ видно, чего прежде всего можно искать въ немъ. Конечно, кто обращается къ Догматикѣ за точными и обильными справками, ищетъ строгой догматической формулы по тому или другому догматическому вопросу, тотъ долженъ обращаться къ Догматикѣ митрополита Макарія. Кто хочетъ уразумѣть православную догматику, какъ органически-связную систему умозрительныхъ истинъ, тотъ всего цѣлесообразнѣе поступитъ, если примется за изученіе обширнаго „Опыта“ епископа Сильвестра. Но кто хочетъ воспринять христіанскіе догматы практическою стороною духа, увѣровать сердцемъ, чтобы освѣтить ими путь своей жизни, тому можно предпочтительно рекомендовать трудъ преосв. Іустина.

Впрочемъ, и съ объективно-научной стороны „Вѣроученіе“ преосв. Іустина не лишено своихъ достоинствъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, какъ это ни трудно было, авторъ сохраняетъ свою независимость отъ предшествовавшихъ догматистовъ и пытается пройти своимъ путемъ. Таковъ, наприм., отдѣлъ о благодати, — лучшій по нашему мнѣнію во всей догматикѣ. Сравнивая его съ соответствующимъ отдѣломъ догматическаго Богословія митроп. Макарія, мы находимъ, что въ немъ гораздо отчетливѣе, чѣмъ у послѣдняго, выяснена психологическая сторона усвоенія благодати: авторъ обсуждаетъ здѣсь такіе вопросы, которые у преосв. Макарія или совсѣмъ обойдены или лишь намѣчены въ самой общей формѣ; вводитъ цѣлесообразныя и вразумительныя разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ такихъ оо. и учителей, которые у преосв. Макарія только называются по имени или и совсѣмъ не называются и т. д. При переходѣ въ этотъ отдѣлъ, тотчасъ чувствуешь, что авторъ вступаетъ здѣсь въ такую область, которую онъ изучалъ специально и по первымъ источникамъ. Хорошо такъ же обработаны у автора отдѣлы о Св. Троицѣ, объ искупленіи и др., какъ это отмѣтила критика еще при первомъ изданіи „Вѣроученія“. Но съ особою полнотою и основательностію изложенъ у него средоточный пунктъ всего христіанскаго богословія, — ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ мѣра: кромѣ особой части „Вѣроученія“, этому вопросу посвященъ

спеціальный догматико-историческій трактатъ, — очень обширный: „Божественное Лицо и дѣло Господа нашего Іисуса Христа“ (томъ III, стр. 1—312).¹⁾

Говоря о догматическихъ трудахъ преосв. Іустина, нельзя не отнестись съ признательностію и къ его счастливой мысли — предложить современному обществу, въ ясномъ и точномъ изложеніи (почти переводѣ), „догматы по Стефану Яворскому“ (томы VII и VIII). Какъ извѣстно, этотъ неутомимый и мужественный борецъ за православіе противъ протестантизма, заботливо выяснялъ именно тѣ стороны нашего православнаго вѣроученія, которыя отличаютъ его отъ ученій инославныхъ и главнымъ образомъ — протестантскихъ, т.-е. тѣ стороны, которыя составляютъ отличительныя особенности нашего православнаго богословія, какъ-то: о свящ. преданіи, о необходимости для спасенія добрыхъ дѣлъ, о св. постахъ, о таинствѣ Евхаристіи, о поминовеніи усопшихъ, о прославленіи праведниковъ на небеси въ Церкви торжествующей, о почитаніи пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, о почитаніи святыхъ, св. мощей и иконъ, о знаменіи честнаго Креста, о вѣчности адскихъ мученій и проч. Со времени Стефана Яворскаго наши богословы, къ сожалѣнію, не много успѣли прибавить по указаннымъ вопросамъ къ трудамъ этого ученаго мужа и, такимъ образомъ, его труды не бесполезны и для нашего времени, какъ выполняющіе замѣтный пробѣлъ въ нашей богословской литературѣ. Пусть это — продуктъ „старой школы“, съ ея устарѣвшими полемическими приѣмами: но что дѣлать если, въ замѣну стараго, „новая школа“ не дала ничего лучшаго? Повторяемъ, къ изложенію догматовъ по Стефану Яворскому можно отнестись лишь съ полнымъ сочувствіемъ и признательностію къ неутомимому труженику.

II.

Сочиненія, т. II.

Вторую группу сочиненій преосв. Іустина образуютъ, какъ мы показали, *сочиненія историко-патристическаго* содержанія.

¹⁾ Къ сожалѣнію, и во второе изданіе Догматики преосв. Іустина проскользнули тѣ неточности, опечатки и недосмотры, которые одинъ изъ рецензентовъ отмѣтилъ при ея первомъ появленіи.

Центральное мѣсто здѣсь занимаетъ довольно обширная, вполне научная и во всѣхъ вообще отношеніяхъ,—по тщательности обработки, по ясности и правильности изложенія, по вѣрности замѣчаній критическаго характера,—прекрасная монографія: „Нравственное ученіе св. Отца нашего Исаака Сирина“ (т. II, стр. 243—402). Значеніе и научная цѣнность только-что указанныхъ свойствъ монографіи объ Исаакѣ Сиринѣ возвышаются еще болѣе тѣмъ, что пониманіе и систематизація твореній этого, какъ мѣтко называетъ его авторъ, „пустыннаго философа“ весьма затрудняется,—какъ чрезвычайно своеобразнымъ языкомъ св. Отца, такъ и отсутствіемъ въ его собственныхъ сочиненіяхъ логическаго порядка и связности. Авторъ счастливо преодолѣлъ эти трудности и въ трехъ отдѣлахъ своей монографіи далъ намъ ясное изложеніе ученія св. Отца о трехъ „степеняхъ вѣдѣнія“ или о трехъ состояніяхъ человѣка: грѣховномъ или неестественномъ, о состояніи переходномъ изъ грѣховнаго или неестественнаго въ состояніе добродѣтельное или естественное, равно какъ и объ этомъ послѣднемъ и, наконецъ,—о состояніи вышеестественномъ т. е. о жизни духовной или созерцательной. Особый интересъ сообщаетъ этой монографіи постоянное вниманіе автора къ психологической сторонѣ обсуждаемыхъ вопросовъ и стремленіе сопоставлять ученіе св. Отца съ современными научно-психологическими теоріями. Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ у насъ, съ легкой руки И. В. Кирѣевскаго, много говорили о возможности и необходимости новыхъ началъ для философіи, при чемъ, какъ на средство для такого желаннаго обновленія философіи, указывали на изученіе твореній оо. подвижниковъ. Но между тѣмъ какъ одни, люди съ громкими именами и извѣстностью, ограничивались лишь шумнымъ заявленіемъ этихъ своихъ *ria desideria*,—другіе, болѣе скромные труженики науки, тихо и безшумно, но самымъ дѣломъ, шли въ этомъ направленіи. На разсматриваемой нами монографіи ясно отразилось именно это стремленіе къ обновленію началъ философіи и психологіи чрезъ изученіе оо. аскетовъ. Изучая глубокомысленныя и основанныя на богатѣйшемъ внутреннемъ опытѣ творенія св. Исаака Сирина, преосвященный авторъ не рѣдко отмѣчаетъ, какъ слѣдовало-бы переставить тотъ или другой психологическій

вопросъ въ духѣ истинной, христіанской психологіи, — хотя, по своему обычаю, весьма скромно, чаще всего подъ строкою.

Приведемъ въ подтвержденіе только-что сказаннаго нѣсколько примѣровъ. На стр. 382 авторъ пишетъ: „на первой степени вѣдѣнія главная дѣятельность — умъ, но умъ не озаренный вѣрою; на второй степеніи главная дѣятельность — воля, просвѣтленная вѣрою; на третьей степеніи — сердце, одушевляемое всецѣлою любовію“ (прим.). Это краткое замѣчаніе, по нашему мнѣнію, *въ принципъ* рѣшаетъ безконечно запутанный и осложненный вопросъ о томъ, что въ человѣкѣ, какая душевная сила есть главное, — умъ, воля или чувство: „на каждой ступени своя“ — таковъ отвѣтъ въ духѣ ученія Исаака Сиріина и всей аскетической психологіи. Взятое въ связи съ общимъ направленіемъ психологіи аскетовъ, это простое положеніе могло-бы пролить яркій свѣтъ на соотвѣтствующій отдѣлъ психологіи. Еще примѣръ. На стр. 296, примѣч., авторъ пишетъ: „когда призывающая къ обращенію Божественная благодать воздѣйствуетъ на сердце человѣка, тогда *духъ его проникаетъ туда сознаниемъ своимъ, а за нимъ и всѣ силы души и тѣла*. Отсюда законъ для внутрь-пребыванія такой: держи сознание свое въ сердцѣ и собирай туда всѣ силы души и тѣла. Около сознанія въ сердцѣ должно собираться всѣми силами души: и умомъ, и волею, и чувствомъ. Собрание ума въ сердцѣ есть *вниманіе*, собрание воли — *бодренность*, собрание чувствъ — *трезвеніе*. Вниманіе, бодренность, трезвеніе, — вотъ три внутреннихъ дѣланія, какими совершается самособранность и дѣйствуется внутрь-пребываніе. *За вниманіемъ слѣдуетъ обращеніе внутрь очей; за бодренностію — напряженіе мускуловъ во всемъ тѣлѣ въ направленіи къ персямъ; за трезвенностію — подавленіе услажденія и покоя плоти*. Такъ, — замѣчаетъ преосв. авторъ, — согласно со св. Исаакомъ, учатъ всѣ отцы-подвижники“.... Да, — добавимъ мы, — и „научная“ психологія, а можетъ быть даже и фізіологія могли-бы у нихъ кое-чему поучиться....

Не имѣя возможности подробнѣе входить здѣсь въ частности, позволимъ себѣ, для дополненія сдѣланной нами характеристики монографіи объ Исаакѣ Сиринѣ, привести

общій взглядъ преосв. автора на значеніе ученія этого св. Отца для богословской науки. „Психологическій элементъ, которымъ проникнуто все правоученіе св. Отца, — пишетъ онъ, — имѣетъ большое значеніе и для науки настоящаго времени. Недавно одинъ богословъ нашъ, въ своей статьѣ: „Задача нравственнаго богословія, какъ науки“ , рѣшая вопросъ, почему у насъ нравственное богословіе „считается наукою скучною и отличается особенною безцвѣтностью своего содержанія“ , — въ числѣ стихій научнаго свойства, могущихъ оживить эту науку поставляетъ, прежде всего, расширение и усиленіе въ ней психологическаго элемента (*Хр. Чит.*, Мартъ 1868 г.). Еще прежде этого другой нашъ богословъ дѣлаетъ уже попытки описать нравственно-христіанскую жизнь человѣка именно съ психологической точки зрѣнія. Онъ описываетъ состояніе души и всѣхъ ея способностей у человѣка-грѣшника и состояніе тѣхъ же душевныхъ способностей у человѣка праведнаго (*Письма о христіанской жизни*) и, описывая это, во многихъ мѣстахъ пользуется именно ученіемъ св. Исаака Сирина... По нашему мнѣнію, *если-бы начала нравственнаго ученія препод. Исаака пополнить новыми психологическими свѣдѣніями, добытыми наукою послѣ него*; еслибы его воззрѣніе на жизнь добавить вновь выработанными долговременными опытами христіанскихъ правоучителей о томъ-же предметѣ: то изъ этого ученія вышла-бы цѣлая система опытно-христіанскаго правоученія“ (стр. 396—7). Взглядъ, по нашему мнѣнію, и широкій и правильный, — вмѣстѣ и христіанскій и научный.

Около разсмотрѣнной нами монографіи, которая образуетъ какъ бы центръ историко-патристическихъ трудовъ преосв. Іустина, группируются и другіе его труды сходнаго содержанія, — труды весьма разнообразныя, а именно: 1) „Препод. Нилъ, подвижникъ Сорскій и уставъ его о скитской жизни“ (посвящается всѣмъ православнымъ — инокамъ, инокинямъ и ревнующимъ о благоговѣйномъ житіи мірянамъ); 2) „Житіе св. Іустина философа“; 3) „Жизнь св. Димитрія Ростовскаго“; 4) „Жизнь и страданіе св. мученика Θεодора Анкирскаго и св. 7 мученицъ дѣвъ“; 5) „Жизнь и страданія священно-мученика Климента, епископа Анкирскаго“. Начало тома образуетъ краткій курсъ патристики, подъ оригинальнымъ и выразительнымъ заглавіемъ: „Свѣтила

Церкви“. Вотъ что пишетъ преосв. авторъ въ объясненіе этого надписанія въ своемъ предисловіи: „Съ воплощеніемъ Сына Божія явилось духовное *Солнце* міра и новая Церковь, подобно *лунѣ*, осіянная свѣтомъ Его. Апостолы и учителя Христіанства, со всею Церковію, подобно *лунѣ* и *звѣздамъ*, препослали *свѣтъ* въ самую *ночь* язычества,—говоритъ митрополитъ Московскій Филаретъ (*Записки на книгу Бытія*). Изъ этихъ словъ великаго іерарха ясно видно, что церковное небо или твердь, какъ и видимое небо, имѣетъ своего рода солнце, луну и звѣзды или „*Свѣтила Церкви*“... Желающему видѣть свѣтъ Христовъ и просвѣщаться имъ, необходимо обратить полное вниманіе на эти „*Свѣтила Церкви*“, во главѣ которыхъ стоитъ „*Солнце Правды*“, Христось Богъ нашъ“... Послѣ краткаго ученія объ І. Христѣ и свв. Апостолахъ, преосв. Іустинъ даетъ въ этомъ своемъ трактатѣ рядъ столь-же краткихъ, но достаточно содержательныхъ, жизнеописаній, съ указаніемъ богословско-литературныхъ трудовъ всѣхъ Оо. и учителей Церкви до свв. Меѳодія и Кирилла включительно.

Вообще, этотъ обширный (598 стр.) и, какъ видимъ, весьма содержательный, томъ историко-патристическаго характера представляетъ чтеніе разнообразное, поучительное и не лишенное чисто научнаго интереса.

III.

Сочиненія, тт. I. IX—X. и послѣдняя половина III-го (стр. 315—453).

Третью группу сочиненій преосв. Іустина образуютъ сочиненія содержанія *нравоучительнаго*.

Центральное мѣсто между ними занимаютъ „Очерки основныхъ положеній христіанскаго нравоученія“ (т. III, стр. 315—453). Преосв. авторъ осуществилъ въ этихъ „Очеркахъ“ свою, знакомую уже намъ, завѣтную мечту о психологической постановкѣ нравственнаго Богословія. Конечно, на сотнѣ съ небольшимъ страницъ нельзя умѣстить полный курсъ этой науки; но тѣмъ не менѣе авторъ, хотя кратко, говоритъ обо всемъ существенномъ, входящемъ въ ея составъ, —какъ объ общихъ началахъ христіанской нрав-

ственности, такъ и о частныхъ христіанскихъ обязанностяхъ. Его рѣчь здѣсь—краткая и точная; изложеніе—прозрачно ясное. Это есть какъ-бы конспектъ науки Правственнаго Богословія, который легко могъ-бы быть расширенъ въ цѣлую систему. Правственный идеаль автора—полное и гармоническое развитіе нашей личности, при свѣтѣ и по образу начертаннаго въ Евангеліи высочайшаго идеала и съ помощію благодатныхъ средствъ, даруемыхъ намъ въ спасительныхъ установленіяхъ Церкви. Направленіе автора умѣренное, — чуждое односторонняго аскетизма, не рѣдко характеризующаго наши нравственно-богословскіе трактаты. Ничто возвышающее и облагороживающее человѣка, хотя-бы и земное,—ни наука, ни искусство въ его болѣе высокихъ проявленіяхъ, ни чистыя радости и утѣхи жизни, — ничто подобное, по взгляду автора, не возбранено человѣку-христіанину. „Христіанинъ,—говоритъ преосв. авторъ,—долженъ имѣть попеченіе объ усовершенствованіи всѣхъ силъ и способностей души и преимущественно главныхъ—ума, воли и сердца. По отношенію къ уму христіанинъ долженъ первѣе всего пріобрѣсти чистое и точное познаніе о Богѣ...; но онъ не долженъ чуждаться для систематическаго образованія своего ума и другихъ наукъ... Съ умственнымъ образованіемъ, христіанинъ долженъ заботиться и о развитіи своей нравственной стороны; но *нравственное образованіе* человѣка можетъ быть прочнымъ и живымъ только тогда, когда оно будетъ вытекать изъ сердца, очищеннаго въ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Вслѣдствіе правильнаго развитія ума и истиннаго эстетическаго образованія сердца у христіанина разовьется нравственный характеръ т. е. такая твердость и стойкость воли, что уже ничто не будетъ въ состояніи отвлечь его отъ благочестиваго подвига, при чемъ для него нравственно невозможно будетъ жить иначе, а не такъ, какъ велитъ нравственный законъ и какъ предписываетъ Евангеліе... *Позволительны христіанину и удовольствія*, но такія, которыя могли-бы не удалять насъ, но приближать къ Богу: *христіане должны почерпнуть для себя радости въ общеніи между собою или въ богоугодномъ святомъ дружествѣ, въ бесѣдахъ чистыхъ и назидательныхъ, въ созерцаніи красотъ видимой природы въ псалмодіи*“ и т. д. (стр. 411—5).

Второе по важности мѣсто въ ряду трудовъ преосвященнаго Іустина правоучительнаго содержанія занимаютъ его „Мысли на каждый день года“ (весь IX томъ, очень обширный, 679 стр.),—сочиненіе весьма оригинальное по своему замыслу. Вотъ какъ самъ преосв. авторъ говоритъ о цѣли и характерѣ этого своего труда:

„Многіе въ часы досуга, особенно отходя ко сну, имѣютъ обыкновеніе и любятъ почитать что-либо духовное, душеполезное; но къ сожалѣнію не находятъ подходящаго къ сему чтенія и скорбятъ, а иногда и ронщутъ, что имъ не даютъ такихъ книгъ, которыя бы удовлетворяли ихъ желанію: существующія книги и статьи кажутся имъ то слишкомъ мудреными, то слишкомъ уже простыми; то очень длинными, то весьма короткими; то односторонними, то всеобъемлющими. Таковымъ любителямъ духовнаго чтенія осмѣливаюсь предложить собранія мною *Мысли на каждый день года*. Онѣ и не очень мудрены и не слишкомъ просты; и не длинны и не коротки; и не односторонни и не разнообразны—не стремятся обнять все. Мысли эти собираемы были въ разныхъ мѣстахъ, по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, въ теченіе всей моей жизни и служили мнѣ средствомъ, чтобы не увлечься чѣмъ-нибудь неподобающимъ и держаться на высотѣ своего призванія, чтобы не сбиться съ прямого пути и идти вѣрно къ своему назначенію. Въ этомъ отношеніи онѣ принесли мнѣ великую пользу; думаю, что и другимъ онѣ будутъ такъ же полезны. Потому и рѣшился я подѣлиться ими съ моими ближними. Въ нихъ нѣтъ строгой системы; но есть между ними внутренняя связь, такъ что, если кто будетъ читать ихъ со вниманіемъ и размышленіемъ каждый день въ продолженіе всего года, число за числомъ, тотъ въ концѣ концовъ пріобрѣтетъ незаметно для себя чистыя и вѣрныя познанія о вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанской, — познанія весьма достаточныя къ тому, чтобы обходить все искушенія и соблазны житейскіе и держаться на высотѣ вѣры и жизни христіанской“.

Намъ нечего прибавлять къ этимъ задушевнымъ словамъ маститаго автора: *тутъ говоритъ опытъ*.

Пастырямъ Церкви и благочестивымъ мірянамъ можетъ быть, затѣмъ, рекомендовано относящееся къ той же группѣ сочиненій преосвященнаго Іустина *собраніе его поученій на св. Четырехдесятницу и св. Пятидесятницу* (томъ X, стр. 356, къ которому приложенъ прекрасный портретъ автора). Поученія эти принадлежатъ отчасти перу самаго автора, отчасти выбраны изъ творенія нашихъ святителей и наиболѣе извѣстныхъ проповѣдниковъ (Димитрія Ростовскаго, Иннокентія Херсонскаго, еп. Теофана, Димитрія, архіеп. Херсонскаго и др.). Что касается характера проповѣдническихъ трудовъ преосвящ. Іустина или, какъ принято говорить, его гомилетической школы, то она въ достаточной

мѣръ опредѣляется уже именами тѣхъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ извлеченія: сердечность, простота, преобладаніе нравственно-практическаго элемента надъ умозрительнымъ или теоретико-созерцательнымъ—вотъ особенности его проповѣдническаго слова, какъ и твореній его великихъ руководителей. И вотъ почему мы позволили себѣ рекомендовать поученія преосвящ. Іустина пастырямъ, для церковнаго употребленія,—особенно пастырямъ сельскимъ.

Наконецъ, къ той же группѣ правоучительныхъ сочиненій преосвященнаго Іустина должно быть отнесено большинство статей, вошедшихъ въ составъ его перваго тома, какъ-то: „Кающійся грѣшникъ“ (размышленія кающагося грѣшника, въ связи съ вопросомъ объ исповѣди—частной, домашней, молитвенной и общей, церковной, словесной); „Причастникъ св. Таинъ“ (размышленія причастника предъ, во-время и послѣ причащенія,—здѣсь заслуживаетъ вниманія извлеченіе изъ акаѳиста къ причащенію, напечатаннаго въ „Собраніи акаѳистовъ“ Иннокентія); „Зерцало православнаго исповѣданія“ (о вѣрѣ, надеждѣ, любви, краткое христіанское нравоученіе и пр.); „День святой жизни“ (какъ вести себя утромъ и вечеромъ, въ счастіи и несчастіи, въ богатствѣ и бѣдности, въ болѣзняхъ и пр.); „Послѣднія минуты христіанина“ (приготовленіе къ смерти въ продолженіе всей жизни и въ предсмертные часы; здѣсь заслуживаетъ вниманія прекрасный переводъ канонѳвъ на исходъ души, заключающихся въ требникахъ, большомъ и маломъ, сопровождаемый особыми молитвенными возношеніями послѣ каждой пѣсни, изданными Аѳонцами).

Кромѣ трехъ, рассмотрѣнныхъ нами группъ сочиненій преосв. Іустина, — сочиненій содержанія догматическаго, историко-патристическаго и нравоучительнаго,—у него есть еще трактатъ содержанія литургическаго („Смыслъ и значеніе православно-христіанскаго ежедневнаго богослуженія“, томъ V, стр. 256—363) и статьи характера смѣшаннаго (начало перваго тома: „О Новомъ Завѣтѣ“, „О Евангеліяхъ“, „Солнце Правды—Христосъ Богъ нашъ“). Такимъ образомъ, сочиненія преосв. Іустина обнимаютъ почти всѣ основныя богословскія науки и касаются всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ православно-христіанской жизни. Это—своего рода

общедоступная богословская энциклопедія, въ которую со стороны почтеннаго автора вложено много труда.

Закончивъ характеристику сочиненій преосв. Іустина, позволимъ себѣ теперь, въ заключеніе, высказать объ нихъ общее сужденіе.

По нашему мнѣнію, заслуживаетъ прежде всего полнаго и благодарнаго признанія уже самый *трудъ* почтеннаго автора, какъ именно трудъ. Просматривая *десяти томное* собраніе его сочиненій, изумляешься и недоумѣваешь, когда преосвященный авторъ, при своихъ, какъ извѣстно, весьма многосложныхъ обязанностяхъ, усиѣвалъ писать то, что онъ написалъ. Видно, онъ не жалѣлъ, на пользу ближнихъ, своего труда и силъ!

Затѣмъ, становясь на точку зрѣнія „общества“, благочестивыхъ православныхъ мірянъ, мы полагаемъ и позволяемъ себѣ выразить надежду, что они примутъ собраніе сочиненій преосв. Іустина съ любовью и радостію: вѣдь за небольшую сравнительно цѣну (всего за 10 рубл.) имъ дается почти полная богословская энциклопедія, — изложенная доступно и подробно, удовлетворяющая всѣмъ основнымъ запросамъ православно-христіанской мысли и жизни и охватывающая всѣ ея стороны.

Наконецъ, становясь на точку зрѣнія объективно-научную, мы и въ этомъ отношеніи находимъ въ трудахъ преосв. Іустина свои достоинства. Нѣкоторыя изъ нихъ нами указаны уже выше. Здѣсь отмѣтимъ еще одно. Въ настоящее время высшія духовныя сферы много и справедливо озабочены тѣмъ, чтобы труды ученыхъ богослововъ отвѣчали, по своимъ приемамъ, языку и изложенію потребностямъ православнаго общества. Нельзя, конечно, скрывать отъ себя, что пересозданіе характера нашей богословской литературы дѣло очень трудное и можетъ совершиться лишь постепенно и медленно. За свое увлеченіе западной литературой, съ ея условными приемами и искусственнымъ языкомъ, питомцы „новой“ богословской школы заплатили и еще должны будутъ заплатить дорогую дань: какъ-бы въ наказаніе за это увлеченіе, они заговорили такимъ языкомъ, котораго многіе

не понимаютъ и не вдругъ, конечно, съумѣютъ заговорить языкомъ вразумительнымъ. И вотъ предъ всѣми нами, питомцами новой школы, какъ живой укоръ и какъ достойный подражаемый примѣръ, стоятъ такіе труженики богословской науки, какъ преосвященные Теофанъ, Іустинъ и др.: они умѣли говорить о трудныхъ предметахъ простою, вразумительною рѣчью... По нашему мнѣнію, уже одно это, помимо всего прочаго, составляетъ съ ихъ стороны не малую научную заслугу. Мы увѣрены, что они, а въ ряду ихъ и преосв. Іустинъ—лучшими страницами своихъ сочиненій (каковы, наприм., указанные выше отдѣлы догматики, трактатъ объ Исаакѣ Сиринѣ и пр.), послужатъ этой, всѣми и живо чувствуемой теперь, потребности обновить языкъ и приемы нашей богословской литературы.

Алексѣй Введенскій.
